

Асфиксия

Автор:

Полина Рей

Асфиксия

Полина Рей

Я захотел её внезапно, до одури, до невозможности сделать следующий вдох. Она сама дала мне в руки оружие – зависимость от меня и моих грязных потребностей. А оказалось, это я от неё зависим, и без новой дозы – ломка, как от удушья.

В оформлении обложки использовано изображение со стока Istock.

Содержит нецензурную брань.

Полина Рей

Асфиксия

Надо мною кроме твоего взгляда

Не властно лезвие ни одного ножа (Маяковский)

Я не помнил, когда точно захотел её в первый раз. Не мог воспроизвести до доли секунды этот момент. Просто почувствовал вдруг острую потребность разложить где и как угодно и оттрахать. Чтобы орала подо мной от боли и удовольствия. Это было настолько нетипично для меня, что я охренел, но жажда поиметь

подругу моей жены от этого не уменьшилась.

Я и приехал сюда совершенно с иной целью. Напугать, показать, что я думаю о её последней выходке. И она поняла всё, мне даже не нужно было произносить ни слова. Вскочила со своего места, попятилась назад. В глазах – такой страх, будто перед ней разверзлась земля и появился сам дьявол.

И именно в тот момент я почувствовал, как меня прошила, будто электрическим разрядом в триста восемьдесят, такая похоть, что член мгновенно встал, и стояк стал причинять физическую боль. Двинувшись в её сторону, я наслаждался каждым мановением. Тем, как она пятилась назад, тем как бурно вздымалась её грудь под безразмерным пиджаком. Последний, кстати, выбешивал меня настолько, что приходилось удерживать контроль на тоненькой ниточке. Хотелось порвать эту нелепую ткань ко всем чертям, увидеть, что она скрывает. После впиться в пересохшие от страха губы, причинить боль, кусать их до крови.

Я никогда не был зверем в постели. Напротив, старался быть нежным, даже с теми, кого не хотел настолько сильно. А может, причина и была именно в этом? Может, мне нужно было хотеть кого-то до сносящей тормоза потребности, чтобы представлять такие картины, которых не ожидал даже от самого себя?

Я постоял так несколько минут, развернулся и ушел. Она не произнесла ни слова, просто смотрела на меня, а в потемневших зрачках плескался такой ужас, что любой другой ситуации мне наверное стало бы стыдно. Но не сейчас.

Выходя из небольшого салона красоты, где работала подруга Лены, я лишней раз напомнил себе, что должен ненавидеть эту суку. Что должен был разорвать её на месте голыми руками, заставить пожалеть о том, что она вмешивается в нашу с Леной жизнь. И ненависть действительно появилась, только совсем не та, которой ожидал. Она была смешана со все той же похотью, и совсем не давала мне удовлетворения, на которое я рассчитывал.

Сев за руль, я жадно, с хрипом втянул воздух сквозь стиснутые зубы. Мою голову разрывало на части. Сука! Я не ожидал, что со мной произойдёт такое. Как в нелепых смешных женских романах, которые иногда мне читала вслух жена, хохоча на всю квартиру. Здоровые мужики вдруг ни с того ни с сего начинали желать бабу настолько, что превращались в коврики под их ногами. Я же всегда умел держать под контролем эмоции. И теперь не узнавал сам себя.

Сорвав машину с места, рванул в сторону дома, чтобы только не передумать и не вернуться обратно. Ибо чем это могло закончиться в итоге, не мог предугадать даже я. Хотя, нет... Мог. Просто бы изнасиловал эту суку во все места, и может, тогда бы на смену похоти пришло удовлетворение. Впрочем, я очень сильно в этом сомневался.

Антонина. Бесцветная, как моль. Тихая, как мышь. Именно такой я знал её последние два года, с тех пор, как моя жена выбрала её своим мастером маникюра. Антонина не вызывала у меня интереса, я даже мог пересчитать по пальцам одной руки те взгляды, которыми её удостоил. Не вызывала интереса ровно до тех пор, пока я не вернулся с работы чуть раньше обычного и невольно не стал свидетелем разговора, который происходил у неё с Леной. Это был даже не разговор. Тоня, вещающая с таким пылом, что ей бы позавидовал даже Ленин на броневике, пыталась убедить мою жену, что если ей достался такой муж, как я, самое меньшее, что она может сделать, – бежать без оглядки. Во мне вскипела настолько чёрная злоба, что она едва не разворотила нутро. Я мог бы сказать этой суке всё, что думаю, но я сдержался. У меня в голове возникли мысли о том, что я хочу морально раздавить эту тварь. Заставить её мучиться, пожалеть о сказанном.

Наши отношения с Леной нельзя было назвать идеальными. Она была для меня скорее хорошим другом, чем женой, и я искренне считал, что это гораздо больше, чем я мог бы дать любой другой женщине. Потому что не верил ни в какую одну-единственную, в которую бы влюбился раз и навсегда.

Я менял женщин как перчатки до того как мы с Леной поженились, не оставил своих привычек и после свадьбы. И вот теперь узнал, что какая-то бесцветная моль поучает мою жену тому, за что ей захотелось сразу же открутить бошку.

А теперь выходило, что она меня уделала, не приложив к этому усилий. Уделала одним взглядом, одним своим беззащитным видом.

Я усмехнулся, растирая шею ладонью. Стащил в прихожей обувь, прошёл в кухню, где плеснул себе вискаря.

– Кирилл, это ты? – слышалось приглушённое из душа.

А кто это ещё, б*я, может быть? Любовник, которому выдали ключи?

– Я, – ответил кратко, залпом закидывая в рот порцию алкоголя. Хотелось, чтобы этот ужасный привкус, который появился во рту, когда вышел от Тони, наконец исчез.

Я был зол ещё и на Ленку. Не понимал, какого хрена она позволяла этому недо-психологу лезть туда, где можно отхватить порцию дерьма. Я не был белым и пушистым и Лена, чёрт бы её подрал, это знала. Знала и жила со мной, не устраивала истерик, не била посуду, наверняка находила следы моих приключений, но всегда молчала. Такая честность имени Кирилла Горского, и я не просил верности взамен. Зато просил честности, и Лена прекрасно об этом знала.

– Мур-мур.

Она вышла, завернутая в полотенце, которое открывало почти всю задницу. Шагнула ко мне, обняла и принялась тереться всем телом.

– Лен, я не в духе, – отодвинул от себя жену и, отвернувшись, налил себе ещё виски.

– Случилось что?

Дважды намекать ей было не нужно, она послушно отошла, уселась на стул, вытянула из пачки сигарету и прикурила. За это я её всегда ценил – всё понимает, никуда не лезет, чувствует, когда нужно стать незаметной.

– У кого?

– У тебя.

– Неа. А у тебя?

Я забрал сигарету, уселся напротив. Затянулся до боли в горле, выпустил дым, прищурился, глядя на Лену. Смотрит в ответ спокойно, значит или слова Тони для неё ничего не значат, или же она там что-то себе в хорошенькой головке

решила, и будет вести со мной двойную игру. Что ж, это даже интересно.

- Горский, ты чего вокруг да около ходишь? Говори уже.

- Да нечего говорить, Лен. Нормально всё у меня.

- Ну, окей. Трахаться не хочешь?

- Неа.

- Ладно.

Она поднялась, потянулась всем телом, понуждая полотенце задраться, обнажая всё снизу до пупка. Я затушил сигарету. Перед глазами снова всплыло лицо Тони, такое испуганное, незащищенное. В штанах сразу стало тесно, будто похоть питалась этим страхом.

- Иди в койку и жди меня, ополоснусь быстро и приду трахну.

- Да, мой господин.

Лена насмешливо поклонилась мне, развернулась и вышла из кухни. Если так будет продолжаться, если от каждого воспоминания того, как Тоня дрожала передо мной от страха, я буду заводиться, как будто мне пятнадцать, у жены скоро ноги сдвигаться перестанут.

На следующий день я делаю то, чего делать совершенно не собирался - еду к грёбаному салону, где работает Тоня. Снова почти ночью, зная, что с работы она уйдёт последней. Паркуюсь неподалёку, закуриваю и жду. Даже пальцы дрожать начинают, что заставляет выругаться сквозь стиснутые крепко зубы. Весь день себе места не находил, метался по офису из угла в угол, ни черта не видя, не слыша. Думал утром, что отпустит, а по факту - ещё больше заело.

Ждать приходится долго, успеваю уничтожить половину пачки, когда наконец дверь салона открывается и выходит Тоня. Всё такая же закутанная в какие-то безразмерные вещи, которые бесят даже отсюда, с расстояния взгляда. Пока

возится с замком, выхожу из машины и подхожу ближе, и она замирает, как будто чувствует меня. Чёрт, а это ведь снова заводит, да так, что крышу рвать начинает.

Оборачивается, глаза опять распахиваются так, что в них отражение своё вижу. Перехватить получается быстро – грубо хватаю поперёк талии и прижимаю к себе. С силой такой, что слышится, как кости её хрустят. Член стоит как каменный, когда трую о её попу. Тоня начинает царапаться и высвобождаться. Чем больше сопротивляется, тем больше я близок к тому, чтобы спустить себе в штаны.

– Отпустите! – наконец выдыхает испуганно, замерев, когда понимает, что всё бесполезно.

– Нет. В машину сядешь ко мне. Поговорим.

– Пожалуйста...

Я не знаю, о чём она просит, да мне это и неважно. Хочу, чтобы повторила снова это «пожалуйста». Чтобы его же выкрикивала подо мной, когда я буду вбиваться глубоко во все отверстия её тела. Просто хочу эту суку до боли.

– Сядешь в машину и поговорим, – выдыхаю я ей в ухо, чуть ослабляя хватку. – Бежать не советую, всё равно поймаю.

Разжав руки, отступаю, и Тоня застывает в полуметре от меня. Вижу, как её колотит от страха, но мне нравится и это. Вот так смотреть на её неестественно выпрямленную спину, голову, которую она так и не опустила, будто королева, которая снизошла к своим подданным, это такой кайф, что его даже не облечь в слова.

– Садись. Я тебя не съем. По крайней мере, пока.

Она медлит ещё с полминуты, после чего всё же разворачивается и идёт к машине. Хорошая девочка, умная иногда. Садится на пассажирское сидение, я прыгаю за руль и срываю машину с места.

– Куда вы меня везёте?

Спрашивает без отчаяния в голосе и без страха. Скорее как жертва, которая смирилась с тем, что попала в капкан охотника.

– Просто покатаемся. Ты мне о жизни своей непростой расскажешь.

– Зачем?

– Интересно мне это, Тонь. Так интересно, что весь прям внимание.

– В моей жизни нет ничего интересного.

– Поэтому ты лезешь к другим? Кто тебя просил Лене на мозг капать? Кто тебя, сука, просил?

Слова цежу, хотя хочется сорваться и повысить голос. Наверное, даже не потому, что зол на неё, а потому, что сам себя бешу. Вот этой реакцией своей на неё бешу, когда сорвался на другой конец города, заставил в машину сесть и допрос устроил.

Она на меня взгляд переводит – огромные серые глаза, в которых столько всего, что и понять невозможно, чего больше. Смотрит долго и пристально, так что мне не по себе становится. Мне – не по себе, б*я!

Резко выруливаю к обочине и ударяю по тормозам. Тоня вынуждена подставить руку и упереться ладонью в торпеду, чтобы её не мотнуло в кресле вперёд. Даже этот её жест, когда хрупкие пальцы кладёт на равнодушный пластик, в теле взрывается на атомы.

– Я не лезла к Лене, – чётко и как-то холодно говорит она, вперившись взглядом прямо перед собой. Только по тому, как её руки дрожат, могу понять, что она на грани. – Я поделилась с ней тем, что о вас думаю.

– Какого х*я?

– Что?

Глаза Тони округляются ещё больше, хотя казалось – куда уж? – смотрит на меня с таким страхом, что мне даже не по себе становится. Неужели я настолько страшный?

– Я спросил... зачем ты с ней делилась тем, что думаешь?

– Потому что она моя подруга.

О, за ту искренность, что проступает в чертах её лица, можно всё простить. И я бы, возможно, это сделал, не будь собой. Она подруга Лены... Чёрт, кто ей вложил в голову эти мысли? Такие, как она, не становятся подругами женщин вроде моей жены. Даже хочется пожалеть дурёху, сказать ей, что она жестоко ошибается. Хотя теперь мне становится хотя бы примерно ясно, что ей двигало.

– Тоня, запомни, пожалуйста, на будущее. Какой бы подругой она тебе ни была, лезть к Лене и рассказывать о том, какой, по твоему мнению, её муж гондон, не стоит. Это плохо кончится. И совсем не для Лены и её гондона.

Она смотрит с опаской. Да, б*я! Зачем так округлять глаза, зачем дышать вот так, будто она жертва на охоте, которую загнали в ловушку? Зачем я вообще её усадил в свою тачку и сейчас наслаждаюсь всем тем, что вижу перед собой?

– Я вас поняла, Кирилл Дмитриевич, – наконец выдыхает едва слышно. – Мне можно идти?

Эта покорность сводит с ума. Так и вижу, как раскладываю её на столе или на кровати. Как делает всё, что захочу. Как трахаю глубоко, жёстко, пока она кричать не начинает. И знаю, что кайфует от этого, как и я от всего, что происходит.

– Можно. Надеюсь, ты действительно поняла.

Тоня не отвечает, сбегает из моей машины будто из разжавшегося капкана. Оставляет желание вернуть её обратно, усадить рядом, увезти куда-нибудь и вытрахать из неё все мысли о том, что может лезть в мою жизнь. Только я знаю – подсыду как на наркоте и на её этот беззащитный вид, и на страх её. И на то, как буду брать её, зная, что она после себя ненавидеть станет за то, какое

наслаждение подо мной получает.

Никогда не думал, что буду испытывать подобное. Когда каждая секунда прожитого времени – это мысли. Разные. Какие-то крышу сносят, какие-то успокаивают, когда вынужден напоминать себе, что ничего не добьюсь этим хождением по кругу. Столько всего в башке – хоть стреляйся. И неизменно в ней она, Тоня.

– Кирилл... Кир! – зовёт меня Ленка, и я понимаю, что завис посреди хоккейного матча, который мы смотрим. Я – потому что мне реально интересно, жена – потому что ей интересно то, что нравится мне.

– А?

– Скучно?

– Что скучно?

– Ну игра. Скучная?

– Нет.

Смотрю на экран, но ни черта не вижу. Просто неинтересно.

– Что с тобой?

Вот только сеанса психотерапии мне и не хватало. Перевожу взгляд на Лену, пытаюсь донести, что сейчас лезть ко мне не стоит, но она, такая понятливая обычно, начинает давить.

– Я же вижу, что-то неладно.

– Да у кого, б*я?

– Кир...

– Что – Кир? Сколько раз мне нужно тебе повторить, что у меня всё нормально? У меня всё нормально! Ох*енно! Зашибись! Довольна?

– Всё, я молчу.

Отворачивается, вперивается взглядом в экран, делает вид, что ей интересно. Хотя знаю, она буллит от проброса не отличит никогда, но ей же, мля, нужно «болеть за тех, за кого болеет Кир». Почему вдруг это стало меня настолько раздражать?

– Лен, давай так. Всё ведь просто. Если меня что-то колышет, я тебе говорю. Если нет, если считаю, что тебе нечего знать и не о чем беспокоиться – молчу.

– Я поняла, поняла! Говорю же, умолкаю.

– Только не надо из меня чудовище делать.

– А я и не смогла бы. Сам справляешься.

Она поднимается и выходит. Начинает возиться на кухне, и может, я снова испытал бы грёбанный стыд, но не испытываю. Не хочу сейчас думать о Лене. И о Тоне тоже, но последняя настойчиво лезет туда, куда не звали. И это отравляет меня, заставляет срываться, хотя я этого совсем не желаю.

Второй период досматриваю через силу. Нужно что-то делать с тем, что сводит меня с ума, иначе это плохо кончится.

На следующий день снова делаю то, чего совершенно не было в планах – приезжаю в салон в разгар рабочего дня. Приходится ждать в очереди, и это неимоверно злит. Никогда не любил быть вторым, тем более – десятым, но сейчас просто сижу на обтянутом дерматином диване и пялюсь в телефон.

Знаю, что Тоня рядом. Знаю, как она отреагирует на мой приезд, и предвкушение момента нивелирует все неудобства. Когда наконец вхожу в

крохотный кабинет, успеваю довести себя ожиданием почти до предела.

Антонина застывает на месте, но быстро берёт себя в руки. Надо отдать ей должное, справляться с эмоциями она научилась гораздо лучше, чем это делаю я.

– Снова вы? – уточняет она, и на лице её появляется насмешливое выражение. Стереть бы его прямо сейчас, но мне приходится сдерживаться.

– Снова я. Успела соскучиться?

Я сажусь в кресло, протягиваю ей руку. Никогда не увлекался этими пидорскими примочками типа маникюра и выбритых до гладкости яиц, но сейчас готов идти на жертвы, по крайней мере в том, что касается отполированных ногтей.

Она берёт мою руку, обхватывает прохладными тонкими пальцами, и меня снова прошивает электрическим разрядом.

– Надеялась вас больше не увидеть.

Начинает свою работу. Осторожно, будто боится, что мне что-то может не понравиться.

– Зря. Я вот наоборот, хотел тебя увидеть и приехал.

– Зачем?

– Потому что я тебя хочу.

Эти слова вырываются помимо воли, заставляют Тоню вздрогнуть – рядом с ногтем проступает капелька крови от ножниц, которыми она орудует. А мне это даже нравится. Хочется, чтобы она обхватила палец ртом и слизала алую влагу.

– Я сделаю вид, что этого не слышала.

– Почему?

- Потому что вы мне не интересны.

- Совсем?

- Да.

Она продолжает свои манипуляции, а внутри меня начинает туго сжиматься невидимая пружина, и что будет, когда она дойдёт до предела и распрямится, я боюсь даже предположить.

- Ты лжёшь мне. Если бы я был тебе неинтересен, ты бы не трахала мозг моей жене.

- Я сказала, почему это делала.

- Меня не удовлетворил твой ответ.

Цепко слежу за её лицом, чтобы не упустить ни единой смены эмоций. Она действительно научилась справляться с ними и теперь умеет взять себя в руки. Только в памяти так и всплывают черты, искажённые страхом, и это снова и снова как катализатор заставляет меня желать увидеть Тоню под собой.

- Я ничем не могу вам помочь.

- А я думаю, что помощь нужна совсем не мне.

Убрав руку, я оставляю Тоню сидеть, а сам поднимаюсь, нависаю сверху, обхватываю подбородок пальцами. Каждое прикосновение к ней – разряд по телу, почти что шоковая терапия. Глаза серые становятся темнее, когда зрачки расширяются. Ну же... кричи, если тебе снова страшно. А я вижу, что страшно.

Впиваюсь в её губы – жадно, тут же проталкивая язык ей в рот. Это не поцелуй даже, губы кусаю, жёстко, едва ли не до крови, и упиваюсь привкусом адреналина.

- Не надо, – шепчет хрипло, когда отпускаю.

Дышит так надсадно, каждый глоток кислорода – будто последний.

– Что не надо, Тоня? Я сказал, что тебя хочу. Вопрос времени теперь, как быстро ты окажешься передо мной с раздвинутыми ногами.

– Кирилл, пожалуйста...

Ведь я же хотел, чтобы она снова и снова это слово повторяла. Хотел, б*я... Почему же теперь так мерзко от самого себя становится?

– Это вопрос времени. Я всегда беру то, что хочу.

Теперь на воздух, туда, где не будет этой отравы, которая вокруг разлита. Где член не будет вставать как каменный и едва штаны не разрывать. Это уже даже не интерес – какая-то навязчивая потребность. Одержимость. И остаётся только надеяться, что когда я получу Тоню в свою постель, эта потребность исчезнет.

– Кир! Красное или чёрное? Ну! Ответь уже хоть что-то!

Никогда не любил вот эту хрень, когда вынужден делать вид, что хоть что-то понимаю в бабских тряпках. Мне было насрать, в чём будет Лена. Хоть в красном, хоть в чёрном, хоть в портках и ватнике, лишь бы отстала.

– Красное, – не глядя на то, как жена прикладывает к себе абсолютно идентичные платья разных цветов, ответил в никуда.

– Хорошо, значит красное.

Она вздохнула, но протестовать не стала. Вообще ничего не прибавила и отвернулась. На её месте я бы трижды послал себя к херам, трижды с собой бы развёлся, ну и ещё по мелочи, но знал, что Лена делать этого точно не станет.

– Горский, ты чего смурной такой? – всё же снова поинтересовалась Ленка, но не успел я ответить, прибавила, расставляя точки над «ё»: – Сегодня отец будет у нас, ты же помнишь?

Вот оно что. Перед тестем мне нужно было вести себя хорошо, такой вот намёк от любимой супруги.

– Как будет, так повеселею.

Она подошла, устраиваясь на подлокотнике кресла, скользнула прохладными пальцами по шее, заползая под воротник и заставляя поёжиться от неприятных ощущений. И вдруг выдала то, от чего я застыл на месте:

– Я Тоню позвала.

Так и хотелось уточнить, не шутка ли это. Лена позвала Тоню... Интересно, зачем? У неё всегда и всё было расставлено по местам – богатая девочка, избалованная отцом, не знающая ни в чём отказа. Поверить в то, что Лена испытывала дружеские чувства к мастеру маникюра? Я никогда не был идиотом, чтобы верить в подобную чушь.

– Позвала и хорошо, – пожал я плечами, борясь с желанием встать и уйти.

– Какой ты злюка...

Лена снова вернулась к поискам платья, зарываясь в безразмерном шкафу, в котором поместилось как минимум несколько последних коллекций. А я смотрел на неё и пытался понять, что она задумала. Верить в альтруизм по отношению к Тоне или в случайность желания видеть её на этой вечеринке, не приходилось. Значит, причина крылась в другом. Теперь бы понять, в чём именно.

Это были стандартные посиделки, одни из череды тех, что уже проходили в нашем доме. Самые близкие друзья – Самойленко, Вихровы, отец Лены, мы с ней и вот теперь ещё и Тоня. Которая удивительно просто и легко влилась в коллектив, будто всю жизнь не ногти подпиливала, а ходила на подобные сборища.

Мы оба делали вид, что всё случившееся между нами – привиделось. Или мне, или ей – неважно. Она почти не смотрела в мою сторону, я же, напротив, почти не сводил с неё глаз. И не только я.

Отец Лены, то ли желая вспомнить молодость, то ли имея свои планы на Тоню, не отлипал от неё весь вечер. Я не ревновал, нет. Напротив, меня это подстёгивало, а предвкушение дошло до критических отметок.

– Горский... Горский! Ты вообще с нами? – окликнула меня жена, и я инстинктивно надел на лицо одну из своих дежурных улыбок. Протянул руку, положил на колено Лены и чуть сжал.

– Что случилось?

– Это я у тебя должна спросить, что случилось. Пойдём танцевать!

Она схватила меня за руку и потащила с дивана. Пришлось повиноваться под взглядом её отца.

Наш брак никогда не пах любовью или романтикой. Мы поженились только потому, что это хотела Лена. Говорила, что влюбилась в меня едва ли не с первого взгляда. Она же и вытащила меня из дерьма, когда я прогорел со своей первой фирмой. Её отец, Борис Анатольевич Ларин, выдал мне тогда большую сумму для того, чтобы я мог разгрестись с долгами. И как-то само собой разумеющимся стал тот факт, что я за это должен был жениться на его дочери.

Нет, продажной сукой я не чувствовал себя даже тогда. Лена была из тех женщин, которые с готовностью закрывали глаза на похождения мужа, прекрасно отдавая себе отчёт в том, что те никуда не денутся, надёжно взятые хрупкой рукой на железный поводок. И я даже считал себя долбаным счастливчиком, потому что мне реально повезло. Я был женат на женщине, отец которой обладал властью в определённых, очень влиятельных кругах, от меня ничего не требовали, даже поставили во главе одной из фирм тестя.

Я трахал баб налево и направо, потому что Лена была не против, ничего не желал от неё взамен. Знал только, что никогда не преступлю в том, что касается необозначенных границ, когда доставил бы жене неприятности.

Так было до сегодняшнего вечера. В воздухе словно что-то изменилось, не нужно было обладать экстрасенсорными способностями, чтобы почувствовать это. Я ощущал напряжение со стороны Лены, неприкрытую похоть Бориса Анатольевича по отношению к Тоне, и свои собственные эмоции, когда в водовороте всего не ясно, что именно испытываю в первую очередь.

– Горский, хватит на неё пялиться, – шепчет мне на ухо Лена, когда мы двигаемся невпопад в центре огромной гостиной.

Кто-то режется в бильярд, кто-то болтает и пьёт шампанское. Тоня сидит чуть в стороне. Напротив неё – мой тесть, рассказывает что-то, от чего на лице Антонины появляется заинтересованное выражение.

– На кого? – делаю вид, что я идиот, который не сразу соображает чего от него хотят.

– На маникюршу мою. Понравилась, что ли?

Это первый раз, когда Лена даёт понять, что заметила мои поползновения в сторону другой женщины. Впрочем и заметила она только потому, что я по неосторожности проявил их на её глазах.

– Нет. Просто она странная какая-то.

Плотнее прижимаю жену к себе, сосредотачивая внимание на ней, хотя так и хочется понять, что происходит у Тони с Борисом Анатольевичем.

– Почему странная? – удивлённо уточняет Лена.

– Как будто не от мира сего.

– А! Так это потому, что у неё проблемы какие-то.

Она обнимает меня за шею, целует, откровенно, с языком. В такие моменты особенно остро понимаю, что жена намеренно пользуется ситуацией. Чувствует, что я прогибаюсь, чтобы не отхватить чего-нибудь дерьмового, и берёт с лихвой всё.

- Какие проблемы? – уточняю, разрывая поцелуй.

- Ты серьезно? Думаешь, я спрашивала?

Лена запрокидывает голову и смеётся. Совершенно искренне и весело. И я тоже растягиваю губы в фальшивой улыбке.

В этом вся она, всё же я неплохо изучил Лену, если сразу понял, что все эти дружеские чувства Тони ей на хер не сдались. Вопрос только в том, почему она не рассказала мне о сути бесед со своей маникюршей. Или я чего-то не знаю о собственной жене?

- Кажется, папик на неё подсел, – говорит Лена, отсмеявшись. Слова сопровождает тяжёлым вздохом, впрочем, в нём нет ни капли искренности.

- Ты о чём?

- Ну вон как прилип. Точно трахнуть хочет.

Эти слова посылают по телу такой бешеный импульс, что я инстинктивно сжимаю руки на талии жены, что она интерпретирует по-своему.

- Хочешь, уйдём наверх? – шепчет жарко и льнёт ко мне всем телом.

- Нет. Неудобно.

Идти сейчас куда-то, чтобы трахнуть Лену нет никакого желания. Да и терять Тоню из поля зрения не хочется.

- Да ладно тебе, Горский. Когда это тебя волновало?

Её руки заползают под пиджак, едва не вытягивают рубашку из-за пояса брюк.

- Помнишь, как мы из постели почти не вылезали в медовый месяц? – продолжает Лена, оставив рубашку в покое. Не раздела прилюдно и на том спасибо.

– Помню. Но давай не сейчас, идёт?

Коротко поцеловав жену, веду её за руку обратно к столу, где она садится не рядом со мной, а мне на колени, всем своим поведением показывая, что к чему.

– Ладно, друзья мои, мы с Антониной в бильярд пойдём поиграем, – говорит Ларин, поднимаясь с дивана. Эти нотки, что сквозят в его голосе, слишком хорошо мне знакомы. Даже если Тоня не хочет идти играть в бильярд, ей придётся это сделать.

Она вскидывает на него удивлённые глаза, но послушно поднимается и направляется к обитому зелёным сукном столу, откуда ретируются остальные гости, чтобы не мешать.

– Горский, знаешь что я тут подумала? – задумчиво говорит Лена, глядя в ту же сторону, куда и я. На то, как е отец «учит» Тоню играть в бильярд, встав позади и прижимая к краю стола всем телом.

– Что?

– А давай ребёнка заведём.

– Что?!

Это предложение настолько шокирует, что я не сдерживаю громкого возгласа. На что Лена снова начинает хохотать.

Сама же она не так давно размышляла о том, что ей ближе всего стиль жизни чайлдфри. И что будь у нас ребёнок, она бы не смогла путешествовать так часто, как ей того хочется.

– Горский, ты меня доведёшь, – качает она головой, наконец вставая с моих коленей. – Ладно, переваривай, я пойду налью себе выпить.

И уходит, оставляя меня в недоумении.

Интересно, что это было? Попытка сказать мне «к ноге?». Намёк, что теперь нас ждёт унылая, семейная жизнь? Как бы то ни было, я не собирался отступать от задуманного, особенно сейчас, когда при взгляде на Ларина и Тоню внутри начали просыпаться искры ленивой злости.

Вечер заканчивается без происшествий. Ларин вызывается добросить до дома Тоню, Лена преувеличенно наигранно зеваёт, делая вид, что устала и мечтает о моменте, когда гости покинут наш дом. После того, как все разъезжаются и прислуга быстро прибирает со стола, жена недвусмысленно даёт мне понять, что ждёт продолжения вечера в спальне, и сегодня мне придётся отрабатывать повинность.

Пока Лена в душе, я пью виски, глядя с балкона на подсвеченный фонарями сад. Размышляю о том, что же всё-таки кажется мне чертовски неправильным. Моя неуместная ревность? Возможно, я принял за неё уродливое собственническое чувство, когда решил, что касаться Тони и желать её могу только я.

Недвусмысленное отношение ко всему со стороны Лены? Вероятнее всего именно это меня и глодало. Значит, просто нужно было впредь быть осторожнее. Ну а интерес Ларина был весьма объясним – тесть частенько волочился за хорошенькими подругами дочери, только его потребность уложить их в постель сексом и заканчивалась.

– Прикинь, Тоня у меня в долг попросила. Много.

Лена подошла сзади бесшумно, заставляя меня вздрогнуть, выходя из задумчивости. Горячее и влажное, распаренное после душа тело прильнуло сзади, тонкие руки принялись вытаскивать рубашку из брюк.

– Мда? А ты что?

– А я ничего. Мне кажется, она думает, что за мой счёт может решить свои проблемы. Я же не похожа на благотворительную организацию?

– Не похожа.

Развернувшись к жене лицом, я залпом допил виски и отбросил пустой стакан, который с весёлым звоном разбился, что вызвало у Лены сначала смех, а следом – болезненно-сладкий стон от моего жёсткого поцелуя.

– Горский, иногда ты просто животное, – шепнула она, заползая под рубашку ладонями и начиная царапать мне спину.

Именно так. Сегодня я собирался трахать жену зверски, сбрасывая напряжение прожитого дня.

– Но тебе же это нравится.

– Чтобы до синяков и завтра сесть не смогла?

– Да.

– Нравится.

– Окей. Тогда идём.

Уже через пару дней понимаю, что беспрестанно прокручиваю в голове разговор с Леной. Если Тоня нуждалась в деньгах, я вполне мог ей помочь. Но, разумеется, не за просто так. И чем больше я об этом размышлял, тем больше приходил к выводу, что эта затея кажется мне вполне перспективной.

Всё в жизни продавалось и покупалось, и я знал – Тоня не исключение. Даже стало интересно, как быстро она превратится из неприступной крепости в готовую на всё девку, которую я смогу иметь во все места в любое время дня и ночи.

Я уже собрался набрать её номер телефона, когда в кабинет после стука заглянула секретарша.

– Кирилл Дмитриевич, к вам посетительница. Сказала, что ей не назначено.

Она скорчила гримаску вроде «и ходят тут всякие» и уточнила:

- Примете?

- По какому вопросу?

- Сказала, по личному. Антонина Вересова.

Б*я...

Одно только имя Тони, произнесённое секретаршей, послало по моему телу волну возбуждения. На ловца и зверь бежит. Причин, по которым Антонина пришла ко мне, было не так уж и много. Хотя, о чём это я? Самой вероятной была нужда в деньгах.

- Попроси минуты через три, - кивнул я секретарше и когда та закрыла за собой дверь, откинулся на спинку стула, вытягивая ноги.

Увидеть Тоню в своём кабинете, где я обязательно отымею её если не сейчас, то через время, - это едва ли не самая желанная вещь на данный момент. Итак, она сама явилась ко мне, и я собирался сыграть в свою игру.

Тоня входит ко мне минут через пять, после осторожного стука. Киваю ей, и на этом наш обмен приветствиями оканчивается.

- У меня...

Она запинается, в глаза не смотрит. Взглядом обводит кабинет, будто ищет пути отступления помимо двери за её спиной. Наконец выдыхает:

- У меня дело к вам.

Нет, это совсем не беседа о моей жене. Тоня кто угодно, но только не дура, и знает, чем именно закончится разговор на эту тему, если она всё же будет иметь глупость его завести.

Я намеренно выдерживаю паузу, а сам жадно осматриваю её – опять эта чёртова безразмерная одежда, которая портит всё. Ничего. Если Тоня задержится в моей жизни дольше чем на пару переписов, куплю ей что-нибудь более достойное.

– Садись на диван.

Даже не спрашивает зачем, выполняет мои указания и присаживается на самый краешек. Руки на коленях лежат, сжимает пальцы в кулаки. Хрупкие такие.

Хрупкие кулаки...

Она вся состоит из противоположностей, даже в этом её страхе, и от этого тоже сносит крышу.

– Ты сказала, у тебя ко мне дело, – уже зная, за чем именно здесь Тоня, уточняю я. Не спрашиваю, скорее констатирую факт.

– Дело, – кивает она, глядя прямо перед собой.

– Говори, какое.

– Мне нужны деньги.

– И?

– И я подумала, может, вы сможете мне их дать? Одолжить. На время.

Она облизывает пересохшие губы, а я как маньяк смотрю за розовым языком и представляю, что именно она сможет сделать им, когда мы обсудим все детали, которые обязательно будет нужно обговорить.

– Почему именно я?

– Мне больше не у кого попросить.

Откинувшись на спинку кресла, я смотрю на Тоню, дожидаясь, когда она поднимет взгляд, перестав рассматривать лежащие на коленях руки, и переведёт его на меня. Всё это игра с моей стороны, я уже знаю, какой именно ответ готов ей дать, но не могу удержаться от искушения сделать так, чтобы Тоня действовала по моим правилам.

Поднимает глаза и смотрит на меня, когда пауза слишком затягивается. Чёрт... я просто извращенец, если бессилие и безысходность вызывают во мне именно такую реакцию. Мне нужно просто трахнуть Тоню. Назвать сумму, которую готов выложить за то, что она раздвинет передо мной ноги, а когда она всё же согласится, взять её, чтобы после отправить на все четыре стороны. Только знаю: мне будет мало одного раза.

– Я дам тебе деньги, но не в долг.

Она вскидывает подбородок, смотрит с вызовом, и я вижу, как сомневается. Интересно, насколько она нуждается в бабках, если сейчас прекрасно понимает, что именно я предложу, но не посылает меня на хер сразу? Наверное, сильно.

– Ты знаешь, что я тебя хочу. Это не изменилось с того момента, когда мы говорили об этом в последний раз. И если ты пришла ко мне, должна была понимать, что я предложу тебе сделку.

Тоня молчит. Смотрит на меня своими огромными глазами, в которых помимо растерянности плещется такая усталость, что я мысленно ставлю себе галочку разузнать, что именно заставило её прийти сегодня ко мне.

– Я могу отработать, – наконец выдавливают она. – Или отдам частями.

– Отработать? Будешь пожизненно делать мне маникюр? – хмыкнув, я встаю из-за стола и подхожу к окну. Заложив руки в карманы брюк, долго смотрю на вечерний город, намеренно выжидая. Хочу, чтобы Тоня прочувствовала то напряжение, в котором я пребываю каждый раз, как думаю о ней. – Нет. Я хочу тебя себе в постель. Другого мне не нужно.

Обернувшись к ней, уточняю:

– Сколько?

– Чуть больше трёх миллионов. Рублей.

Она поспешно называет сумму, от которой у меня брови ползут вверх помимо воли. Значит, ситуация реально серьёзная, и Тоня ради получения этих денег пойдёт если не на всё, то на многое.

– Тебя что, поставили на счётчик?

Сопровождаю эти слова улыбкой, но они попадают точно в цель. Тоня отводит взгляд, опускает голову и хватается сумочку. Собирается сбежать? Пусть. Знаю, что всё равно вернётся.

За этими её метаниями, возможно, мне было бы весело наблюдать, если бы я не хотел покончить со всем как можно быстрее. Ни одна женщина не вызывала во мне такого предвкушения, которым хотелось упиваться. Ни одна не заставляла желать вот так, до одури.

– Что мне будет нужно делать? – выдавливает она из себя, всё же решив остаться. Правильный выбор.

– Трахаться со мной, когда я этого захочу.

Её передёргивает, вижу, как на лице появляется выражение, название которому мне и в голову-то не сразу приходит. Омерзение? Вопрос только по отношению к кому? Впрочем, мне насрать.

– И всё?

– А ты хочешь предложить что-то сверх этого? Я готов выслушать.

– Нет. Я не это имела ввиду... Что вы подразумеваете под сексом?

Она шутит, наверное? Что я могу подразумевать под сексом? Полёт на луну?

– Тоня, когда я говорю «трахаться», я подразумеваю только то, что сказал. Что тебе неясно?

– У вас есть какие-то... особенные предпочтения?

Ах, вот она о чём. Даже стало интересно, с кем она спала до меня и что вообще умеет в постели, раз задаёт такие вопросы? Хотя, вру. Неинтересно.

– У меня есть. Но я ничего не сделаю из того, что тебе бы не понравилось. Правда, есть один нюанс.

– Какой?

– Чтобы выяснить, что тебе может не понравиться, нам придётся многое попробовать.

Она тяжело сглатывает. Бледнеет и вцепляется в сумочку крепче, как будто боится, что если выпустит ту из рук, не сможет оставаться на месте и сбежит.

– У меня есть время подумать? – наконец выдавливают из себя.

– Сколько угодно. Это же тебе нужны деньги, а не мне.

Пожав плечами, я возвращаюсь на своё рабочее место и делаю вид, что увлечён изучением документов. Тот тонкий момент, когда я вроде бы знаю, что Тоня останется, но не уверен в этом, приятно играет на нервах. Хочется расцеловать Лену за то, что отправила свою «подругу» с её нуждами куда подальше, хотя, как раз именно она могла проявить дружеское участие и выдать Тоне беспроцентный кредит. За маленькой поправкой – дружеское участие моя жена проявляла только по отношению к точно таким же избалованным бабам, как и она.

– Когда я смогу получить деньги? – тихо уточняет Тоня по прошествии нескольких минут, и я едва удерживаюсь от того, чтобы не ухмыльнуться довольно.

- На днях. Мне нужно будет распорядиться, чтобы их приготовили в банке. Или тебе не наличкой?

- Лучше наличкой.

- Окей.

- И это всё?

- А что ты хочешь ещё?

- Ну, какую-то расписку вам дать нужно будет?

Ага, нужно. Чтобы я ей подтереться смог, если вдруг туалетной бумаги под рукой не окажется.

- Намекаешь, что мне лучше тебе не верить на слово?

- Нет! Если я согласилась, я сделаю всё, как мы договорились.

- Ну и всё. О чём может быть ещё базар?

Тоня всё ещё сомневается, после чего встаёт и с тихим «спасибо» выходит из кабинета. Это последнее слово ещё долго звучит в ушах. Я его не заслужил, да и не нуждался в благодарностях Тони. Лучшей отработкой будет хороший трах, к которому мы обязательно придём.

Маленькая дурочка даже не уточнила, как долго будет приходиться по собственной воле в мою постель, а я... я не собирался ставить никаких сроков. Да и не такие уж для меня это были большие бабки, чтобы сокрушаться, что я растратил их зря, если вдруг случится так, что Тоня мне надоест слишком быстро.

Впрочем, я знал - не надоест. В ней было столько всего, что я собирался открывать для себя раз за разом... От картинок, замелькавших перед мысленным взором, член снова встал, как каменный. Что-то подсказывало мне, что в сексе Тоня не особо раскрепощена, а значит я стану тем, кто покажет ей, сколько

всего интересного может происходить в постели между мужчиной и женщиной.

В тот день, когда я сорвался впервые, мы праздновали день рождения Бориса Анатольевича в огромном спортивном баре, куда Ларин, пользуясь своими связями, которых у него было с лихвой, пригласил даже пару звёзд хоккея.

Стремительно «поднявшийся» в лихие девяностые, Борис Анатольевич никогда не гнушался методов, которые были в чести в то время. И хоть сейчас его знали как акулу бизнеса, я не сомневался, что это лишь прикрытие, хотя и старался никуда и ни во что не лезть. Какие схемы отработывал Ларин, меня не касалось. Я довольствовался местом генерального директора одной из его фирм, самой крупной, и постом мужа его дочери.

– Кирилл, с тебя тост, – безапелляционно произносит виновник торжества, небрежно положив руку на спинку диванчика. Возле него сидит Тоня. Да, она снова с нами, и стоило мне узнать, что она приглашена лично Лариным, как меня начало это заедать.

Я слежу за тем, как рука Бориса Анатольевича сначала прикасается к плечу Тони, как пальцы убирают выбившуюся из причёски прядь. Как будто передо мной не едва знакомые друг другу люди, а как минимум семейная пара.

Сука... это начинает злить.

Поднявшись, отвожу глаза от лица Тони, на щеках которой играет румянец. Интересно, какого чёрта она приходит на эти сборища? Может, причина в том, что успела понять выгоду, какая ждёт её, если она будет трахаться не только со мной, отработывая долг, но ещё и залезет в постель Ларина?

– Борис Анатольевич, сегодня у нас большой праздник. Ваш день рождения.

Ларин улыбается, продолжая поглаживать плечо Тони. Зря я тянул эти несколько дней, стоило трахнуть Тоню ещё в тот день, когда она приехала ко мне в офис за баблом.

– Я не знаю, что можно пожелать человеку, у которого всё есть.

– Ну, не так уж и всё, – со всё той же насквозь фальшивой улыбкой тихо отвечает Ларин.

– Тогда теперь знаю. Желаю вам того, чего пока у вас по какой-то причине нет.

– И это украдём, если не купим, – с ленцой шутит тесть.

– За вас!

Мои слова подхватывают все гости, над столами разносится звон бокалов. Ловлю взгляд Тони и надеюсь, что в ответном она прочтёт всё, что я сейчас испытываю. А если не прочтёт – ей же хуже. Она быстро отводит глаза, с силой сжимает тонкие пальцы на хрустале бокала.

Внутри меня поднимается несвойственная мне звериная жажда. Когда хочется обладать, и по херу, где и когда это произойдёт. Потому что дошёл до предела, потому что испытываю то, чего не испытывал никогда. Только раньше эти нотки мне предвкушение приносили, а сейчас – дискомфорт. Будто кто-то слишком много в лёгкие кислорода вогнал, и сейчас их распирает от саднящей боли.

Когда вижу, как Ларин ведёт Тоню танцевать, как прижимает к себе в этом чёртовом спортбаре, который не предназначен для такого, усмехаюсь. Сука... Он ведь точно вознамерился её трахнуть, но только сейчас мне до этого есть дело. Мне до этого, б*я, есть дело!

Вскоре получаю возможность сделать то, что потребностью вскипает в венах. Едва Тоня направляется в сторону туалета, встаю и иду за ней. И по херу, что кто-то может заподозрить неладное.

Она не успевает закрыть за собой дверь, я толкаю ту под испуганный вскрик и, оказавшись в сортире вместе с Тоней, запираю задвижку. Готов расцеловать проектировщика бара – потому что это помещение больше похоже на отдельную комнату – тут даже телевизор есть, видимо, чтобы можно было просратся не отвлекаясь от матча.

– Кирилл...

А мне нравится, с какими разными оттенками эмоций она произносит моё имя. Сейчас – это испуг, почти как тогда, в первый раз, когда приехал к ней. Член мгновенно затвердел, когда я увидел это выражение на её лице.

– Скажи мне, почему ты пришла именно ко мне, а не к Ларину? – задал я вопрос, складывая руки на груди.

– Кирилл Дмитриевич, это не то место, где нам стоит...

– Почему, б*я, ты не пришла к нему? Он же тебя едва при всех не трахает взглядом. Он бы тебе дал хоть три миллиона, хоть тридцать.

Она молчит, а я бешусь. Поджимает губы, опускает голову. Дышит надсадно, и это злит ещё сильнее.

– Я хочу получить первый обратный транш по моему вкладу, – выдыхаю и, с шумом захлопнув крышку чёртова унитаза, сажусь сверху.

– Что?

Она или не понимает или просто делает вид. Или забыла, что бабло я ей передал за определённые услуги?

– Я хочу трахнуть тебя прямо здесь и сейчас. Как у тебя по части минета? Умеешь?

Тоня отшатывается, лицо идёт пятнами. Хватается за раковину и жадно вдыхает.

– Кирилл, пожалуйста... Давайте позже.

– Нет. Я хочу, чтобы ты вышла из этого толчка, а я знал, что ты только что мне отсосала, перед тем, как вернёшься к Ларину. Ну, я жду.

Взявшись за ремень брюк, расстёгиваю его, следом ширинку. Тоня начинает дышать ещё прерывистее.

- Если ты не умеешь, будет повод поучиться.

Кажется, на её глазах появляются слёзы. Только мне снова насрать. Если она сейчас выйдет из этого туалета, я за себя не ручаюсь, и Тоня это если не чувствует, то прекрасно понимает.

- Умею, - шепчет едва слышно и, оттолкнувшись от раковины, подходит ко мне.

Теперь бы главное не кончить раньше времени, потому что член едва не взрывается.

Тоня мешкает, как будто рассчитывает, что я передумаю. Наивная.

- Давай, - мягко говорю ей, потянув за запястье. - Быстро всё сделаем и на сегодня разойдёмся.

Она опускается на колени, в глаза не смотрит. Щёки пламенеют ярким румянцем. Обхватываю её за лицо, провожу большим пальцем по губам, чуть надавливая, пока не принимает его во влажную глубину.

- Пососи, - шепчу хрипло, и едва не взываю. Тоня обводит палец языком, и от этого слетают все тормоза.

Свободной рукой сам высвобождаю член, сжимаю его пальцами, чтобы не спустить, будто мне пятнадцать, а я впервые вижу голую женщину.

- Давай, - подталкиваю голову Тони к члену, и когда её рот смыкается на напряжённой плоти, не сдерживаюсь - нажимаю на затылок, чтобы взяла его как можно глубже.

К чёрту всё. К чёрту день рождения Ларина. Хочу трахать Тоню в этом сортире пока у меня хватит на это сил. Она вцепляется в ткань моего пиджака, когда методично насаживаю её на себя, каждый раз отвоёвываю по миллиметру глубину её рта, пока не стонет едва слышно оттого, что больше не может меня

принять.

Это очень сладко – иметь её именно так, стоящую на коленях, словно шлюху. Очень-очень дорогую шлюху. Рот горячий и влажный, аромат духов Тони везде – какой-то простой, безыскусный, но чертовски заводящий. Начинает тянуть поясницу – первый признак, что скоро кончу. От картинок перед глазами, что сделаю с Тоней, после, когда доберусь до всех отверстий, которые смогу оттрахать, взрываюсь с рыком, до предела надев Тоню на себя. Поспешно сглатывает, замечаю, как по её щеке скатывается слезинка, которую стираю.

Она отстраняется, поднимается на ноги, отворачивается от меня и пытается оправить платье. Я мог бы почувствовать себя сейчас отвратительно. Взять и вот так оттрахать в рот женщину в каком-то туалете, против её воли. Просто потому, что она мне должна. Но вместо этого я ощущаю... уродливую эйфорию. Даже не думал, что настолько буду упиваться чужой беспомощностью и своей властью.

Только теперь понимаю, что за дверями в туалет слышатся чьи-то голоса. Поднимаюсь с толчка и застёгиваю брюки. На сегодня можно и закончить, но уже знаю, что долго не выдержу – захочу Тоню снова совсем скоро. Я успел лишь прочувствовать, каково это – обладать ею. Грязно, насильно, но до одури сладко.

– Не задерживайся, а то твой Ларин тебя искать будет, – со злостью бросаю Тоне через плечо, выходя из туалета.

За столом веселье полным ходом. Кажется, нашего отсутствия даже не заметили, только Лена смотрит пристально, но быстро отводит взгляд. Салютую ей бокалом, первым попавшимся под руку, и залпом опрокидываю спиртное в себя, не чувствуя вкуса.

У Тони хватает мозгов задержаться чуть дольше и не являться следом за мной. Сейчас, когда первая потребность в ней удовлетворена, думаю о том, что впредь мне действительно стоит вести себя осторожнее. Ещё никогда я не делил женщину с Лариным, и никогда его дочь не давала понять, что не в восторге от моих походов.

Впрочем, в любом другом случае я бы с лёгкостью отказался от своих намерений, но только не сейчас. Она проникла в меня, как отравы. Постепенно, шаг за шагом, впрыскивая яд в нутро. Что в ней было такого? Я не мог понять, чем именно Тоня меня зацепила. И видимо, не только меня.

Она появляется в баре минуты через три, идёт к Ларину будто королева, гордо вскинув подбородок. И это, чёрт бы всё побрал, злит и возбуждает ещё сильнее.

Что-то говорит Борису Анатольевичу, склонившись к его уху, тот слушает, нахмурившись, после чего кивает и, извинившись перед присутствующими, говорит, что отойдёт на пару минут. Тоня уезжает, коротко кивнув всем. На меня так ни разу и не смотрит. Вечер без её присутствия становится тусклым, одним из тех, которые уже набили мне оскомину.

Я о чём-то переговариваюсь с партнёрами Ларина, с Леной, вокруг которой беспрестанно кто-то вьётся, а когда уезжаем из бара, жена выдаёт неожиданное:

– Ну и сука же ты, Горский.

И усмехается. Зло, с болезненными нотками на красиво очерченных губах.

Я не отвечаю, знаю, что она права. Но это всё... Морщусь, отвернувшись к окну. Всё слишком запутанное, чтобы я желал в этом копаться. И стало таким хоть и не без моей помощи, но и не только при моём содействии. То, что Лена всё поняла, не вызывает почти никаких чувств. Вопрос только в том, почему впервые реагирует настолько остро?

Она знала, за кого выходит замуж. Знала, что я её не люблю и вряд ли когда-нибудь полюблю. И до последнего момента нас обоих всё устраивало. Так что же изменилось сейчас? Я уверен, жена понимала, что если бы начала выкатывать мне претензии сразу же, мы с ней не дошли бы до свадьбы. Да, мне нравилось то положение, которое я занимал сейчас, но нравилось на моих условиях, принятых Леной.

В этот вечер она больше не произносит ни слова. Просто идёт в спальню, а я остаюсь ночевать в одной из гостевых комнат. Не потому, что жена не хочет меня видеть, скорее наоборот.

Утром за завтраком каждый усиленно делает вид, что всё в порядке. Это впервые за нашу совместную жизнь. Что бы ни происходило, мы не приносили ничего в нашу семью, если конечно, её можно так назвать. Оставляли всё за стенами общего дома, и я собирался следовать этому принципу и впредь.

- Почему она? - наконец не выдерживает Лена, откладывая вилку, которой до этого ковырялась в салате с рукколой.

- Кто - она?

- Горский, давай без этого.

Я тоже откладываю вилку, вытираю губы салфеткой. Она хочет поговорить об этом. Окей. Значит, будем говорить.

- Я просто не пойму, почему именно Тоня?

- Потому что я её хочу.

- И что? Чем она отличается от тех, кого хотел до неё?

Лена очень старается говорить спокойно, но я слышу нотки истерики, сквозящие в её голосе.

- Ничем. Хотя, нет...

Делаю вид, что задумался, сам же подбираю слова. Осторожность во всём.

- Ну... Говори, - снова не выдерживает Лена.

- Тебя же моя связь с ней цепляет? Значит, она отличается от тех, кто был до.

- Значит, связь...

Жена выдыхает рвано, барабанит пальцами по столу. Я мог бы соврать ей, что всё не так, как она себе напридумывала, но не хочу этого делать. Единственное, что в моих силах и что я просто обязан предпринять – успокоить Лену. Но едва собираюсь найти слова, чтобы это сделать, жена спрашивает дрожащим голосом:

– Это единственное, что её отличает от остальных?

И я откликаюсь эхом:

– Да.

Сейчас ещё кое-что происходит впервые. Я – всего на секунду – чувствую себя му*аком. Всё ведь было просто. Лена принимала меня таким, какой я был, да мне было это удобно, но и ей я представлял полную свободу действий. Выходит, ошибался, и эта самая свобода ей была не нужна?

– Я трахалась с Кравцовым, – неожиданно переводит она тему, заставляя меня приподнять брови. Не потому, что я удивлён – знал и так. Просто как-то внезапно вдруг её прорывает на откровенность.

– И? – уточняю на всякий случай.

Лена считала Кравцова моим другом, я – считал его падлой. Не потому, что он пару раз разложил мою жену, просто был гонд*ном по жизни.

– И он предложил втроём переспать.

Следующие слова застревают в горле. С кем интересно? Я, он и Лена? От этой картины меня начинает подташнивать.

– Мне не понравилось, – продолжает Лена, и до меня доходит, что видимо, Кравцовская жена была тоже весьма свободных нравов. – Но если ты захочешь...

Не совсем понимаю, к чему она ведёт. Намекает на секс втроём, чтобы в нём поучаствовали я, Тоня и Лена? Я даже не подозревал, что до этого когда-нибудь может дойти.

– Лен... – усмехаюсь, растирая лицо ладонью. – Ты гипертрофируешь. У нас с тобой всегда были свободные отношения, так?

– Так.

– Нас обоих это устраивало. Так?

– Так.

– Сейчас тебя перестало устраивать, я прав?

Она задумывается. Вижу, как на лице эмоции сменяют одна другую. Как закусывает губу, видимо, подбирая ответ. И тяжело вздыхает.

– Ты прав. Но не в этом. Я действительно всё усложняю.

Лена поднимается из-за стола, подходит ко мне и обнимает за шею. Наклоняется и шепчет на ухо:

– Я просто люблю тебя, Горский. Помни об этом.

– И я тебя люблю, – вру жене, скользнув губами по её щеке. – Поэтому давай не будем делать трудным то, что того не стоит. Окей?

– Окей. Ладно, я в салон. А потом... может на пару дней к родителям скатаюсь.

– Хорошо. Поехать с тобой?

– А ты хочешь?

– Хочу. Но надо поработать.

Я снова вру. С гораздо большим удовольствием останусь дома и просто побуду в тишине. Но если жена сейчас скажет, чтобы я ехал с ней – придётся ехать.

– Хорошо, тогда работай. Мне лучше без тебя побыть и голову проветрить.

Больше в этот день я Лёну не вижу. Она уезжает через час, а я планирую провести время наедине с собой. Что в итоге сделать не удаётся, но я этому только рад.

Вечером в сотый раз просматриваю в сети то единственное, что удаётся найти по Тоне. Какая-то сраная страница в соцсетях, которую нашёл лишь чудом. И там – единственная фотография. Она сидит на подлокотнике дивана, полуобернувшись к камере. Не позирует, видно, что выцеплена объективом случайно. В этот момент в голову приходит совершенно дурацкая мысль о том, почему я так на неё запал. Она настоящая, вот в этом всём. И в страхе её, и в покорности, которой я от неё добился, и на фотке этой тоже естественная.

Я всегда окружал себя совсем иными женщинами. Крашеными сучками, готовыми за лишнюю сотню сделать что угодно и как угодно. Тоня тоже была со мной из-за денег. Только вот я был уверен – не нуждайся она в них так остро, хер бы мне обломилось хоть что-то.

Стук в дверь раздаётся так неожиданно, что я инстинктивно захлопываю крышку ноутбука, будто едва не попался с поличным.

– Кирилл Дмитриевич, к вам посетительница, – объявляет домработница Надя, робко заглядывая в приоткрывшуюся щель.

– Кто?

– Не знаю. Она не назвалась. Сказала, что пришла вернуть вам долг.

Б*я. Наверняка Тоня. Притащила бабки, и сейчас скажет, что больше так не может, бла-бла и прочая хрень.

– Сказать, чтобы её пустили?

– Она что, за воротами?

- Ну, да.

Мля.

Оттолкнув Надю, мчусь из дома, под ливень, который зарядил как нельзя некстати. Возле ворот действительно стоит Тоня, прижимает к себе пакет с деньгами. Промокла до нитки – тушь потекла. И кажется, она изрядно под шафе.

- А! Кирилл... а я к... к вам! – говорит она с вызовом, пытаюсь сразу же впихнуть мне деньги. – Пришла вернуть. Я немного забрала там...

- И немного перебрала, – констатирую я очевидное, грубо схватив Тоню под локоть. Тащу её к дому, а она шагает следом и даже не думает сопротивляться. Когда втаскиваю её в холл, сам промокаю до нитки.

- Правильно. Я отработаю. Что мне нужно сделать тысяч на двести?

Хочется ругаться. Громко и матом. Руки Тони, ледяные и красные, тянутся ко мне, пытаются начать расстёгивать рубашку, но последнее, чего мне сейчас хочется – трахаться с ней.

- Я не сплю с чужими женщинами в доме, где живу с женой, – чеканю холодно, откидываю пакет с деньгами в сторону и начиная стаскивать с Тони мокрую одежду.

Она замирает. Смотрит непонимающе, после чего усмехается. Не идёт ей это всё – показная надменность, вытравленная изнутри лживая покорность. И насмешки фальшивые тоже не идут.

- В душ иди. Простынешь.

Только когда в ванной, куда силой впихнул почти что голую Тоню, начинает литься вода и слышатся то ли всхлипы, то ли приглушённые рыдания, отправляюсь к себе, чтобы переодеться. Никогда не любил бабские истерики, прямо не переносил на дух, до спазмов рвотных, но в этот раз всё иначе. Это и не истерика даже, больше похоже на предсмертную агонию бабочки, которая угодила в паутину. Вот только я себя пауком не считал, и не думал, что

настолько могу быть противен Тоне, что она один раз возьмёт у меня в рот и прискачет едва ли не ночью с деньгами наперевес.

Она выходит минут через десять. Косметику смыла, а вместе с ней и то выражение, которое она на лицо надеть пыталась всё это время. Закутанная в огромное махровое полотенце, с влажными после душа волосами, снова кажущаяся такой беззащитной и напуганной, что я начинаю подумывать о том, не нарушить ли сегодня одно из главных своих правил, она стоит и смотрит в пол, пока я жадно пожираю её взглядом.

- Ты чего приехала, Тонь? Бабло перестало быть нужным? - спрашиваю тихо, опираясь бедром на стол. Руки засовываю в карманы спортивных, будто мне нужно это сделать, чтобы удержаться и не натворить дел.

- Не перестало. Но я так больше не могу, - выдыхает она.

- Как не можешь? Спать со мной?

- Когда так грязно - не могу.

Не удерживаюсь от улыбки. Она даже не знает, что значит, когда по-настоящему грязно. Или её так покоробил тот факт, что это происходило в сортире? В следующий раз всё будет иначе. Я его уже даже придумал, этот следующий раз.

- А секс вообще часто бывает грязным. Если ты ещё этого не поняла, значит когда-нибудь поймёшь.

Я уже собираюсь подойти к ней, когда лицо Тони вдруг начинает кривиться и она всхлипывает. Раз, другой, пока не проглатывает первое рыдание. Но оно снова подступает к горлу, и Тоня зажимает рот рукой.

- Кирилл Дмитриевич... я не знала, что всё так выйдет. Не думала, что так мерзко от самой себя будет. Думала, что смогу... но я ошиблась.

Чёрт, она что, вздумала извиняться за то, что больше не хочет раздвигать передо мной ноги?

– Я там... взяла двести тысяч, они совсем срочно были нужны... но я отдам. Обязательно отдам.

– Для чего тебе так срочно нужны деньги?

Вместо того, чтобы спросить, как именно она собирается возвращать мне бабло, я интересуюсь тем, что меня совсем не должно трогать. Тоня сомневается несколько секунд прежде чем всё же признаться:

– Мне угрожают. И отцу тоже.

– Кто?

Закусывает губу с такой силой, что та белеет. Ну не пофиг ли мне на то, кто ей угрожает? Должно быть срать с высокой колокольни, но я понимаю, что это не так. Мне не всё равно. Этого уже достаточно, чтобы задуматься, чем в итоге всё может завершиться.

Пока она думает, беру приготовленную рубашку, подхожу ближе и стаскиваю с Тони полотенце. Не удержавшись, жадно ощупываю её всю взглядом.

Она только сначала инстинктивно вскидывает руки, но после опускает их. Дыхание становится прерывистым, я не трогаю, просто смотрю. На выступающие ключицы, на маленькую острую грудь с розовыми сосками, от вида которых рот наполняется слюной. Вроде не холодно, а они на моих глазах становятся похожими на два камешка.

Живот подтянутый, с аккуратной ямкой пупка. А ниже – тонкая полоска светлых волосков на лобке. И идеальные ноги – длинные и стройные. Хочется раздвинуть их и рассмотреть её всю, но я лишь только скольжу пальцами по шее, задеваю сосок, и Тоня вздрагивает. После чего накидываю ей на плечи рубашку и застёгиваю наглухо, чтобы спрятать от себя соблазн.

– Так кто? – уточняю будничным тоном, будто ничего из ряда вон не случилось. Будто каждый день Тоня раздевается передо мной, и это уже стало обыденностью.

– Коллекторы.

– Ты задолжала банку?

– Не я. Отец. И не банку.

Киваю на диван возле кухонного стола и говорю безапелляционно:

– Садись и рассказывай.

История оказывается незамысловатой и в некотором роде банальной. После смерти Тониной матери её отец начал пить. Потерял работу, а на водку хватало не всегда. Сначала ему из жалости и страха давала Тоня, но когда поняла, сколько бабла на это уходит, прекратила финансировать алкоголизм бати. Он сначала поугрожал, а потом нашёл выход – займы в микрокредитных или бог весть каких организациях. Везде давали охотно и максимальные суммы, на которые потом капали огромные проценты.

Потом у отца и вовсе созрел «гениальный» план. Взять в долг в одном месте, чтобы частично перекрыть в другом. И это всё копилось, как снежный ком, пока не достигло огромных размеров.

– Три ляма – это всё долг в эти конторы? – уточнил я, садясь напротив Тони и протягивая ей стакан воды. Она пару раз всхлипнула, пока рассказывала всё это, но в целом держалась неплохо.

– Да. И я надеюсь, что это действительно весь долг.

– То есть, ты хочешь отдать туда деньги и... всё?

– А что я ещё могу сделать? Они угрожают. Звонят, приезжают. Пишут такое, что у меня волосы дыбом.

– Ты сейчас заплатишь, а через пару месяцев твой отец снова наберёт у них в долг. И что будет? Станешь снова искать деньги? Без проблем, я дам тебе их снова.

Я усмехнулся, когда Тоня поджала губы. Мне нравилось её задевать и видеть реакцию такого плана. Когда глаза опускала и на щеках едва заметный румянец появлялся. И хоть сейчас это было совсем неуместным, не смог себе отказать в такой мелочи.

– Кстати, что с баблом? – Я кивнул в сторону прихожей. – Оно больше не понадобится?

Она опустила голову ниже, вцепилась в стакан воды, будто это была единственная вещь на свете, способная удержать её на месте. И если бы не этот хрупкий хрусталь, Тоня бы уже сорвалась с места и сбежала бы куда глаза глядят.

– Понадобится, – выдавила из себя и тут же вскинула подбородок: – Вы не передумали насчёт...

– Секса?

– Да.

– Неа. И не передумаю. Я, девочка моя, буду трахать тебя часто, долго и с фантазией. И уверяю – тебе понравится. Но если ещё раз увижу такую выходку, за себя не ручаюсь. А теперь давай в койку.

– В смысле? Вы же сказали...

– Спать будем. Ты в гостевой, я у себя. Кстати... откуда ты узнала, что Ленки нет дома?

– Она сама мне позвонила. И я решилась.

Решилась она. Я вздыхаю и растираю лицо снова, как будто нужно наваждение стряхнуть. Видеть Тоню здесь, такую домашнюю, естественную, в моей рубашке... это соблазн, от которого очень сложно отказаться. Перед глазами так и встают картинки того, как усаживаю её на обеденный стол, устраиваюсь между ног и трахаю.

Интересно, какая она на вкус? Везде.

– Окей. Давай спать, пока я не передумал.

Поднимаюсь с постели и киваю в сторону коридора.

– Вторая дверь справа, найдёшь там всё, что тебе нужно.

И ухожу к себе.

В эту ночь долго не могу уснуть. От осознания, что рядом в одной из комнат – спит Тоня, член мгновенно каменеет. Приходится даже подрочить, будто я подросток, который впервые посмотрел порнушку. Но и это не избавляет от настойчивых фантазий, когда представляю, что сделал бы с Тоней, если бы не это моё сраное правило, заложником которого и стал.

Казалось бы, какая, к херам, разница? Лена наверняка поймёт, что в нашем доме была чужая женщина – у баб на это особенный нюх. Так какого чёрта я тут изображаю из себя супергероя? Просто ли Тоня спала у нас или стонала подо мной до утра... Но мне почему-то не насрать.

Засыпаю только под утро, надеясь, что Тоня не свалит, когда проснётся по трезвяку и вспомнит, где именно оказалась в ночи.

Меня будит какой-то шкварчащий звук и аппетитный запах. Не сразу соображаю, что ночевал не один, а когда всё же понимаю, глаза удивлённо распахиваются. Значит, не только не смоталась, но ко всему ещё и решила приготовить мне завтрак. Если это, конечно, не Лена, вернувшаяся раньше и решившая поиграть в примерную жену, что само по себе звучит абсурдно.

Когда вхожу в кухню, Тоня обнаруживается возле плиты, на которой что-то сосредоточенно готовит. Судя по запаху – оладьи. Не могу отказать себе в том, чтобы не понаблюдать за ней, прислонившись плечом к дверному косяку.

На ней всё ещё надета моя рубашка. Когда нагибается, осторожно приоткрывая дверцы шкафчиков в поисках бог знает чего, ткань приподнимается, едва не

обнажая округлую попку.

– Это самое сексуальное, что я видел за последнее время, – хриплым ото сна и возбуждения голосом говорю я, и Тоня испуганно ойкает и роняет сашет с ягодным джемом.

– Извините... я тут похозяйничала немного. У вас еды никакой в холодильнике.

Она права. Мы с Леной питаемся вне дома, потому что жена предпочитает «не быть кухаркой», а из жранья – только несколько упаковок сраного салата, от которого меня уже давно тошнит.

– Молодец, – пожимаю плечами, как бы говоря, что ничего необычного в этом не вижу. – Я в душ, и когда выйду, давай уже на «ты». Я со всеми женщинами, которые мне минет делали, стараюсь не фамилльярничать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/reu_polina/asfiksiya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)